

Крепкий орешек, но и он раскололся

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

В числе моих наград – медаль «За взятие Кенигсберга». На ее оборотной стороне обозначена дата: 10 апреля 1945 года.

Это значит, что к этому времени город-крепость нацистов на Балтийском море была взята. Враг разбит, остатки армий третьего рейха сдались в плен, полностью ликвидирована группировка фашистских войск в Восточной Пруссии.

Никогда не забуду завершающие дни Великой Отечественной войны, когда бойцам и командирам нашего 231-го Гвардейского ордена Александра Невского Неманского артиллерийско-зенитного полка пришлось сражаться на территории фашистской Германии, громить гитлеровских войск в их собственном логове.

Мне довелось принимать непосредственное участие в ожесточенных сражениях за военно-морскую базу гитлеровцев на Балтийском море. К концу марта 1945 года подошли к Кенигсбергу – городу-крепости на Балтике, который фашисты считали неприступным и недосягаемым для Советской Армии.

На подступах и в самом городе-крепости враг располагал сильно развитой обороной. На окраине гитлеровцы создали две укрепленные линии: первая – в 6–8 километрах от города, вторая – по его окружности. Была и третья наиболее мощная – в самом городе. На главных направлениях заранее было построено более 10 крепостных фортов и почти столько же в различных районах города. Для обороны использованы сотни тяжелых танков и самоходных артиллерийских установок, проволочные заграждения, противотанковые и противопехотные минные поля. Обороняли Кенигсберг в общей сложности более 130 тысяч солдат и офицеров. Против наших наступающих войск было направлено почти четыре тысячи ствольных орудий и минометов.

В первых числах апреля началась мощная артиллерийская обработка переднего края обороны противника. Главную роль в ней играли орудия большого и среднего калибра. Ставилась задача разрушить форты, доты и другие долговременные сооружения противника.

Штурм Кенигсберга начался 6 апреля 1945 года. Под прикрытием огневого вала наши танки и пехота пошли в атаку. Были подавлены огневые точки противника, в основном разбиты оборонительные сооружения, мы овладели первой, а затем второй траншеями врага. Но вот на одном из участков прорыва фашисты вдруг открыли сильный пулеметный огонь из крупного, хорошо замаскированного и ранее не обнаруженного крепостного форта. Нашей батарее приказали подавить огневые точки противника и обеспечить успех наступления на город-крепость. Несмотря на то, что у нас были зенитные орудия, которые предназначались для уничтожения вражеской авиации в воздухе и прикрытия наступающих войск от нападения фашистских самолетов, мы выдвинули свои орудия на прямую наводку и сразу открыли огонь по пулеметным гнездам форта. Вскоре пулеметы замолкли. Пехотинцы с криками «ура» возобновили атаку. И форт был взят.

Наше командование, стремясь избежать дальнейшего кровопролития, обратилось к противнику с гуманитарным предложением сложить оружие и прекратить сопротивление. Однако гитлеровцы отклонили его. Советские войска вновь начали штурм. Шквальный огонь из всех видов оружия обрушился на окруженного противника, усилились бомбовые удары нашей авиации. Фашисты не сдавались.

В ходе уличных боев переломным стало 8 апреля. Наши войска раскрасили оборону противника и вынудили его отступить в центральную часть города. Стремительно, с особым порывом наступали штурмовые группы и отряды. Следом за ними двигались мы, зенитчики, уничтожая засевших в домах гитлеровских солдат и офицеров. Четкое взаимодействие всех родов войск, нарастающая мощь огня и бомбовых ударов, решительные атаки, мужество и храбрость бойцов и командиров вынудили противника капитулировать. К исходу четвертых суток непрерывных боев – 10 апреля 1945 года – город-крепость был взят. Остатки кенигсбергского гарнизона сдались в плен. В крепости было пленено 92 тысячи фашистов.

В честь выдающейся победы на берегах Балтийского моря и была учреждена медаль «За взятие Кенигсберга». Все активные участники штурма награждены ею.

Василий РЫБАК,
подполковник в отставке.

ВДВ воюют на земле

Почти всю Европу прошагал казак Николай Прохоров

Родом Николай Николаевич Прохоров из казашей семьи поселка Большой Бутлак. Родился 27 февраля 1924 года. Отец его, Николай Ильич, в 1918 году партизанил в отряде Ивана Каширина.

Н. Н. Прохоров вспоминает: «22 июня мы с отцом были в Белье – деревне на берегу реки. Заехали к знакомому отцу – партизану. Там, сидя за столом, услышали из репродуктора – началась война. Хозяин поставил на стол бутылку со словами: «Давай выпьем, партизан Прохоров, по случаю всенародного горя, а то, может, и не доведется больше встретиться...»

Я вышел на улицу. Народ собирался кучками, обсуждая сообщение, мужчины покуривали, а женщины вытирали слезы кончиками головных косынок... В считанные дни в поселке стало меньше мужчин. Забрали трактор и лучших лошадей. В колхозе остались женщины, старики и дети. Добровольцем я не пытался идти. Военкомат был только в Верхнеуральске, да и отец притормаживал: «Придет время – призовут!»

Мое время пришло в августе 1942 года. С котомкой из мешковины за плечами пришел в город, а оттуда полупешим этапом командой в Челябинск. Здесь нас готовили ходить на лыжах. Казалось, смешно: летом – и на лыжах! Оказалось, можно. Прокопали канавки сантиметров 10–15 глубиной и шириной около 60-ти, застелили их камышом макушками в одну сторону – и лыжня готова. Трудно, но лыжи скользят. Прозанимались около месяца.

Приехала комиссия, проверила нашу военную и физическую готовность и объявила: «Годитесь!» Через день-два воюющую нашу группу отправили в Ялutorовскую Тюменской области в школу младших командиров. Учили понемному науке воевать около девяти месяцев.

По окончании весь курс перевезли в город Раменское под Москвой в девятую воздушно-десантную бригаду. Здесь опять подготовка в течение полугода – уже десантников. Сначала прыжки и приземление с трехметровой высоты.

Когда натренировались до боли в пятках – прыжки с парашютом. Здесь я впервые встретился с Андреем Тихоновичем Руденко, магнитогорцем и будущим начальником УВД

Челябинской области, генералом-майором милиции. Тогда он был старшим лейтенантом, инструктором по прыжкам. Запомнился первый прыжок – его мы совершили с азартом. Мне в гондолу пришлось садиться последним, поэтому оказался первым у дверки. Рядом инструктор. Поднимаемся на 500–600 метров. Инструктор открывает дверку и командует: «Попшел!» Я стою как вкопанный, боюсь глянуть вниз. Снова приказание инструктора: «Не мешай, прыгай!» И толчок коленкой под зад. Лечу. Земля стремительно приближается. Дорога каждая секунда. С испугом дергаю кольцо и – о, счастье! – парашют раскрылся. Я плавно лечу к земле, вспоминая на ходу, как приземляться по правилам. Пригодились наземные тренировки – приземлился хорошо...

Летом 1944 года наша бригада находилась в резерве Главного Командования: в любое время могли перебраться куда угодно. В начале мая оказались мы на Карельском фронте. Привезли поездом и высадил возле городка Ладисей Поле. На следующий день – 22 или 24 июня – началась наша артподготовка: были артиллерия, минометы, бомбардировочная авиация, а завершили залпы «катюши». Около четырех часов на вражеских позициях гремели взрывы, бушевал огонь, стоял дым, хромалась земля. Казалось, там не осталось ничего живого, но это только казалось. Наши позиции

от немецких отряда река Свирь, соединяющая Ладожское и Онежское озера. Беспрепятственно форсировать ее, мы пошли за танками, которые застряли в небольших болотах. Где-то за второй линией обороны нам в лоб ударил пулемет. Он бил из ДОТА, не давая поднять голову. Командир роты приказал: «Сержант Прохоров, возьми из своего отделения бойца, обойди открытое место до кромок леса и загляни пулемет!» Беру Василия Власова, с которым мы служили еще в Ялutorовской школе, поползли, стараясь скрыться за кустарником и зарываясь в толстый слой мха, проваливаясь в болотные лужи. Вот и лес. Оказались от ДОТА справа, подползли на бросок гранаты и забросали его. Выскочивших немцев, человек пять, уложили из автоматов.

Рота пошла в наступление. Во время перебежки вдруг почувствовал удар по кисти левой руки, поднятой вверх с автоматом... Ранение оказалось серьезным, требующим длительного лечения, поэтому меня отвезли в госпиталь. Лечился три месяца.

В сентябре или октябре вернулся в бригаду, только не в

свою, а в 12-ю. Она находилась возле Калинин. Принял отделение. Вскоре бригаду перебросили в Ивановскую область, где какое-то время занимались обычной подготовкой. В конце 1944 года направили на 2-й Украинский фронт.

В страну-союзницу фашисты входили твердо, как победители. Венгры почти не сопротивлялись, только немцы были отчаянно, хотя и были деморализованы. Несколько дней сражались возле озера Балатон. Немцы бросали листовки, из которых запомнились слова: «Жукова и Рокоссовского до Берлина пушу, а Малиновского и Толбухина в Дунае утоплю!» Что хотел сказать этим немецкий пропагандист, мы так и не поняли. Очевидно, был сильно обижен на двух последних военачальников.

От Балатона взяли направление на Будапешт. В боях за столицу Венгрии мне участвовать не довелось – внезапно скрутило адской болью живот. Сестра ошупала и распорядилась: «Быстро в госпиталь!» Лежу на операционном столе, корчусь от боли, спрашиваю врача, что у меня, а он перебирает документы и смеется: «А вот сейчас что-

нибудь отрежем и посмотрим, женатый ли ты?» «Не женатый!» – говорю со стоном, а он опять: «А мы посмотрим!» Я застыл и думаю: «Чего это он отрезать собрался?»

Вырезали мне воспалившийся отросток благополучно, и через неделю-полторы я уже был в своей части. Занимались очисткой местности, особенно лесов, от бродячих немцев. Бывали случаи, когда трудно было понять, сдают ли они или идут на прорыв с оружием в руках. Тогда разгорался быстротечный бой.

За Будапештом бригаду повернули на Вену – столицу Австрии. По войскам категорический приказ: «Вену не бомбить и не обстреливать!» Немцы тоже не дрались за нее. Видимо, и они, и мы стремились сохранить исторический и архитектурный облик древнего города. От Вены пошли на Чехословакию. Во всем уже чувствовалось приближение конца войны. 8 мая мы были в 60 километрах от Праги. Ночь прошла в тревожно-радостном ожидании великого события. В шесть утра 9 мая сообщили: «Войне конец!» Что тут началось, трудно описать. Запомни-

лись стрельба в воздух из всех видов оружия, фейерверк разноцветных ракет. Ребята обнимались, целовались, колотили играючи, друг другу бока».

После демобилизации окончил школу рабочей молодежи. В 1948 году поступил на работу в Верхнеуральскую тюрьму оперуполномоченным. Присвоили офицерское звание младший лейтенант. Окончательно утвердился в оперативной должности после окончания Рязанской школы оперативников. В 1972 году перевелся в ЛТП Магнитогорска старшим оперуполномоченным. Через десять лет вышел на пенсию.

За бой на Карельском фронте награжден орденом Красной Звезды, а в 1990 – орденом Отечественной войны II степени. С различными медалями набралось около 20 правительственных наград, в том числе медаль «За боевые заслуги». Бодр ветеран, только ноги не дают покоя – трудно стало ходить, да сердце пошаливает.

Записал
Владимир БАКАНОВ,
ветеран войны.

В бою смены нет, есть только поддержка. Одолеешь врага, тогда и служба кончится.

Александр СУВОРОВ

Фронт требовал, коксохим работал

ПРИЧАСТНОСТЬ

В канун 60-летия Великой Победы мне представляется важным рассказать о том, что знаю о военном времени, что помню, что дорого лично мне и всем ветеранам коксохима. Для кого и для чего? Не только ради заполнения страничек истории ММК, Магнитогорска, страны... Ради молодых коксохимиков, которые сегодня начинают трудовой путь в ЗАО «Русская металлургическая компания», на коксохиме Магнитки. Хорошо зная прошлое, историю своего производства, помня имена предшественников, нетрудно ощутить себя причастным коллективу предприятия, разделять с другими трудности и радости, цели и задачи.

...Броневой лист – из стали, сталь – из чугуна. А для его выплавки необходим кокс. К началу Великой Отечественной войны на коксохимическом производстве ММК действовали четыре коксовые батареи со всеми сопутствующими подразделениями – углеподготовкой, улавливанием и переработкой химических продуктов. В годы войны, когда фронт нуждался в снарядах и технике, производство на комбинате росло, интенсивно строились новые коксовые батареи. С 1942 по 1945 год введены в эксплуатацию еще четыре агрегата – в год по одному, завершили строительство восьмибатарейного коксового цеха. Производственные мощности выросли вдвое. Но столько же увеличилось и производство кокса.

Руководил коксохимом в военные годы Петр Александрович Судья. Он был заместителем директора ММК – начальником коксохимического цеха неполные шесть лет, но каких! К работе в должности приступил как раз в годовщину коксохима – 28 дека-

бря 1942 года. Главным инженером работал Валерий Николаевич Колобов. Оба – талантливые руководители, технически грамотные и эрудированные специалисты. А возглавлять производство в тяжелых военных условиях было очень сложно. Прежде всего из-за того, что резко поубавилось число специалистов. Многие комсомольцы и молодые рабочие были призваны военкоматами или ушли на фронт добровольцами. Заменой им стали молодые ребята из школ ФЗО и ремесленных училищ.

На многих тяжелых, горячих, вредных работах воевавших мужчин заменили их матери, жены и сестры. Нередко до приходило на коксохим женщины были просто домохозяйками. Нелегко им было привыкнуть, да и не все выдерживали жар коксовых печей и тяжелый физический труд в условиях интенсивно движущихся механизмов, повышенных запыленности и загазованности. Но многие трудились хорошо, быстро осваивали мужские профессии и мужественно несли бремя тяжелого труда в военных условиях.

В подразделениях производства создавались комсомольско-молодежные коллективы, развернулось стахановское движение. Можно привести массу примеров удвояной работы. Стахановец Ф. Витковский, начальник комсомольско-молодежной смены четвертой коксовой батареи, взял обязательство к 25-й годовщине ВЛКСМ выдать сверх плана 2500 тонн кокса. Бригада перевыполнила обещание, произвела 2857 тонн сверхпланового кокса.

Машинисты загрузочных вагонов соревновались, кто лучше использует полезный объем коксовой печи. А Мешавкин

загружал в каждую печь на 250 килограммов больше других. Передовики делились опытом – провели стахановскую школу. В комсомольско-молодежной смене мастера Школяренко Любова и И. Летнев взяли обязательство: «Буду работать по-фронтному. Коллектив смены не будет знать минуты простоя по моей вине». Его поддержали машинист двересъемной машины Целышков и дверовой Черемных. Жена фронтника А. Ф. Трикоз – машинист коксоватылкавателя – обязалась работать строго по графику и без потерь газа. Победительница соревнований среди машинистов Толкунова заявила, что и на предоктябрьской вахте сохранит первенство. Весь коллектив коксохимического цеха взял обязательство в четвертом квартале выдать сверх плана 15000 тонн кокса, обязались распространить опыт стахановской работы передовых бригад и обеспечить выполнение плана на каждом участке каждым рабочим.

Техника ломалась, огнеупоры – не выдерживали. А люди выдержали! На коксохиме в те годы работали более двух тысяч человек. Армия требовала пополнения, но и производство останавливать было нельзя. Поэтому на комбинате, и на коксе в частности, работал военно-призывной отдел, занимавшийся оформлением отсрочек от призыва – бронированием. Но многие хотели быть добровольцами и на фронте с оружием в руках приближать победу. Ответом для них было: трудись по-фронтному здесь, это – твой боевой пост.

И трудились... А наградой были талоны на дополнительное питание, на костюм, отрез шелка или шерсти на платье. Впрочем, за стахановскую работу комсо-

мольцам Б. Анищенко, И. Трибу, М. Овчинникову занесли благодарность в трудовую книжку.

Коксохимики активно участвовали в сборе средств в особый фонд Главного командования Красной Армии – вносили недельный, десятидневный, двухнедельный заработок. Подписывались на государственные займы, внося пять, а то и десять тысяч рублей. Застрельщиками были руководители, инженерно-технические работники, передовые рабочие. Большинство из них были коммунистами.

Когда враг рвался к Москве, коллектив коксохимиков выступил с инициативой начать сбор средств на строительство эскадрильи «Магнитогорский металлург». В 1944 году коксохимики перевели в госбанк 175 тысяч рублей с просьбой построить на эти деньги танк, присвоить ему имя «Коксовик Сталинской Магнитки» и передать его отважному экипажу Уральского танкового корпуса. Коллектив получил благодарственную телеграмму Верховного Главнокомандующего.

Недоедая, недоспав, работая на износ по 12 часов и через 12 часов вновь выходя в смену. Зачастую трудились без выходных, иной раз по несколько дней не уходя с производства. И всегда обеспечивали металлургические переделы: доменные печи – коксом, прокатные станы – газом. Жили верой в Победу. И она пришла...

Вернулись на коксохим демобилизованные, награжденные орденами и медалями за боевые заслуги начальники первого блока угле-

подготовки И. Баканов, электрики М. Александрович, прошедший военными дорогами от Москвы до Чехословакии, и десантник Н. Селезнев. В разные годы пришли на производство участники Великой Отечественной войны. М. Бельев освободил от фашистов Белоруссию, Варшаву, Берлин, а потом работал на коксохиме до конца восьмидесятых и ушел на пенсию с должности заместителя начальника первого коксового цеха. В. Вавилов прошел с боями от Сталинграда до Лейпцига, на коксохиме работал люковым, а затем машинистом грузозакрывающего вагона. А. Ижика – участник боев с японскими войсками на Халхин-Голе, в Монголии и Маньчжурии, работал машинистом коксовых машин. Десятки и сотни участников войны пришли на производство. Они внесли новую струю – воинскую дисциплину и порядок, служили для молодежи примером.

В послевоенные времена интенсивность работы не уменьшилась. Как прежде, старший по выдаче в смену, стоя на верку коксовых печей, кричал: «Толкай!» И через каждые шесть минут выдавали коксовый пирог из очередной печи.

... Героем Советского Союза стал капитан 1-го ранга, бывший коксохимик М. Грешиллов. 22 июня 1941 года он встретил командиром подводной лодки на Черном море. Участвовал в девятинадцати боевых походах, потопил четыре транспорта и две десантные баржи противника. Немецкое командование объявило награду золотом за его голову и за уничтожение его подводной лодки...

У бывших фронтовиков болели старые раны, но лечиться было некогда, да особо и негде. И уходили преждевременно из жизни фронтовики, завоевавшие победу. А с ними и тыловики, мужественно и стойко перенесшие все тяготы трудовой военной вахты. К примеру, мой тесть Сергей Николаевич Иванов приехал в Магнитку в 1933 году. Работал электриком на пуске углеподготовки, а в

последние годы был заместителем главного энергетика КХП. Жил с семьей, в которой росли четверо детей в бараке на Тукова. В пятидесятые годы получил квартиру на Комсомольской. Живя да радуясь! Но в 1957 году умер от инфаркта. В 46 лет...

И никто не забыл на коксохиме. Войны и труженики Великой Отечественной... В коллективах помнят о них и их делах. Зайдите в музей коксохима – увидите это своими глазами. В канун 30-летия победы на территории коксохима был сооружен монумент воинам-коксхимикам, отдавшим жизнь на фронте. Подвиги погибших на фронте и вернувшихся с Победой навсегда сохраняются в истории коксохима.

Страна высоко оценила вклад тружеников коксохима Магнитки в военное лихолетье и их трудовые достижения послевоенного времени. Лауреатами сталинской премии III степени и Государственной премии СССР стали заместители директора ММК по коксохимии – начальники КХП. А. Судья и В. Н. Колобов. И в дальнейшие годы самоотверженный труд коксохимиков Магнитки был высоко оценен. Звания «Герой Социалистического Труда» удостоены заместители директора по коксохимии – начальник КХП Г. М. Дорогобид и машинист электровоза тушильного вагона коксового цеха № 2 В. П. Зуев. Более 1600 человек – ветеранов и работников коксохима – награждены боевыми и трудовыми орденами и медалями. На особом счету медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.»

Николай ЮЗНИН,
ветеран труда, ветеран Магнитки.

ПАМЯТЬ

Помню это пальто

В связи с приближением столетия со дня рождения Григория Носова хочу поделиться своими воспоминаниями о нем.

... Наша семья дала фронту не одного, а четверых солдат: двух моих братьев, сестру и отца. Осталась мама с нами троем. Не могу без слез вспомнить эти годы. Мне девять лет, одежды теплой нет, а школа – за три километра. Зима в сорок втором году была очень суровой: однажды по дороге в школу мне под ноги упала замерзшая птичка...

Решила я обратиться за помощью на комбинат. Написала письмо Григорию Ивановичу и сама поехала его в заводоуправление. Меня никто там не остановил. Поднимаюсь на второй этаж, стучу в дверь. Носов сидит за огромным письменным столом, склонился над бумагами. Усидел меня, расспросил. Мне казалось, мы очень долго беседовали...

Назавтра, едва я вернулась из школы, мама с порога стала расспрашивать, где я была, укоряла, почему ее не предупредила. Наверное, она бы меня остановила, потому что в то время всем жилось тяжело. Оказывается, у нас дома побывала комиссия, выдала талон на дополнительную помощь. А ведь из нашей семьи никто не был работником комбината. В то время ММК получал, как сейчас говорят, гуманитарный груз – американские подарки. Талон я отоварила в длинном бараке: там было много-много одежды – выбирать, что нужно. Я присмотрела пальто. Носила я его очень долго и до сих пор помню, как дорог был мне этот подарок.

Очень жаль, что больше не довелось встретиться с Григорием Ивановичем...

Ольга САВИНОВА,
поселок Агатовка.

Поддерживала дружба

Жизнь тружеников тыла была далеко не легкой. Федор Александрович Перебийнос со слезами на глазах вспоминает, как с ровесниками-подростками работал у станков по двенадцать часов и голодные обмороки были привычным делом. Они с ребятами пытались записаться добровольцами, надеясь, что на передовой полноценное питание. Но комбинату нужнее были рабочие руки. Особенно печальные воспоминания остались о друге – Федоре Лобатом. Его брат погиб и посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Федор хотел отомстить фашистам за брата, пойти на фронт. После отказа в военкомате обратился к самому Буденному. Когда от Семена Михайловича пришел положительный ответ, парнишка понял, что идет на смерть, что не увидит больше родных мест. Но отступиться не мог. Он погиб при взрыве эшелона на пути к фронту, так и не доехав до линии огня. Осталась только память о славных ребятах, о тяжелом и нужном труде, о дружбе, на которой держался голодный тыл.

Ксения НЕКЛУДОВА,
студентка МАГУ.